

хроник
будущего

Paul Di Filippo

VANGIE'S
GHOSTS

Пол Ди Филиппо

ПРИЗРАКИ ВЭНГИ

FANZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Д44

Paul Di Filippo
VANGIE'S GHOSTS

Copyright © 2024 by Paul Di Filippo
Published by Blackstone Publishing
All rights reserved.

Перевод с английского *Григория Крылова*
Дизайн *Елены Куликовой*

Ди Филиппо, Пол.

Д44 Призраки Вэнги / Пол Ди Филиппо ; [перевод с английского Г. Крылова]. — Москва : Эксмо, 2026. — 384 с. — (Хроники будущего. Главные новинки зарубежной фантастики).

ISBN 978-5-04-216321-0

Евангелина, или просто Вэнги, живет с жестокими приемными родителями. Ее считают замкнутой, но на самом деле она видит то, что неподвластно другим — бесконечные миры мультивселенной.

В моменты сильнейшего потрясения Вэнги открывает в себе дар переносить сознание в другие временные линии. Сначала это становится ее способом спасения, но чем больше она прыгает, тем сильнее привлекает к себе внимание тех, кто не против заполучить такую силу.

Проходя через испытания и взрослея, Вэнги учится владеть своей способностью. Но однажды ей предстоит встретиться с соперником, равным по силе... и столь же чужим для мира.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-216321-0

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Всем Деборам Ньютонс творения

ПРОЛОГ

Мужчина и женщина разговаривали о маленькой девочке так, словно ее тут не было.

И по правде говоря, ее и в самом деле не было.

Она была повсюду и одновременно нигде.

Проржавевший, невзрачный автомобиль — неуклюжий «Электра Парк Авеню» 1980 года, уже лет на пятнадцать переживший свою показную славу, его прежняя бронзовая краска выцвела до отвратительного темно-серого цвета — слишком быстро мчался в ранних зимних сумерках. На унылой сельской дороге, вдоль которой стояли голые призрачные одинаковые деревья, появлялось мало заезжих машин. Недавно зашедшее солнце оставило на серой полосе платиновых туч расплывчатый темно-коричневый след.

Вел машину мужчина, жилистый и крепкого сложения. На его неприятном узком лице застыло какое-то побитое, но одновременно и вызывающее выражение, которое, казалось, говорило о том, что он может прибегнуть к насилию, если его загонят в угол. Женщина сидела на максимальном — насколько это позволяло сиденье — расстоянии от него, прижавшись к холодной пассажирской двери,

несмотря на то, что обогреватель в машине почти не работал. Женщина была темноволосой, и на ее лице сохранились черты былой привлекательности, хотя и отягощенные жизненными трудностями.

По их мрачным лицам то и дело пробегали тени деревьев. Из приемника доносились приглушенные резкие музыкальные сетования: «Мир — это вампир...»

На заднем сиденье потертая переноска для младенцев, обклеенная отслаивающимися картинками со сказочными сюжетами, была закреплена таким образом, что находящийся в ней человек сидел спиной к движению, уставившись безразличным взглядом в ткань спинки сиденья и сквозь сумрак, заполнивший заднее окно, в убегающие вдаль небеса.

Девочка в переноске имела средние размеры для детей ее возраста — около трех лет — и не была ни тщедушной, ни крупной. Ее дешевой одежды, грязного белого свитера под нейлоновой курточкой на молнии, застегнутой до половины, было недостаточно, чтобы согреть ее, и она, казалось, вся ушла в себя, где и искала тепло. Ее одяние включало также розовые шерстяные рейтузы и маленькие кеды, украшенные изображением Волшебного школьного автобуса. Черты ее лица были простоватые и вялые, ничуть не напоминавшие живость или внимательность нормального ребенка ее возраста, напротив, они были словно размазаны до невнятности. Тусклые волосы соломенного цвета, торчавшие из-под чрезмерно тесной матерчатой шапочки, напоминали щетину зубной щетки.

Еще одна миля намоталась на колеса машины, прежде чем мужчина заговорил.

— Ненавижу эту долбаную девчонку. Она меня прикончит. Ты посмотри, сколько нам пришлось сегодня проехать, чтобы отвезти ее в клинику и обратно.

На лице женщины появилось резкое инстинктивное выражение протеста — для нее сетования такого рода

были неприемлемы, но секунда-другая размышлений о возможных последствиях для нее, произнеси она несколько поспешных слов, заглушила все возражения. Еще несколько секунд раздумий, и она нашла подходящий ответ:

— Мы ее удочерили. Мы должны о ней заботиться. Теперь это наш долг. Наша обязанность.

Ее слова, казалось, имели целью убедить не только ее партнера, но и себя саму. Но в них не слышалось убежденности и силы, а только тихое отчаяние.

— Они специально подсунули нам идиотку.

— Стив, ты знаешь, что это неправда. Никто и понятия не имел, что Вэнга станет такой. Когда мы взяли ее, ей было всего шесть месяцев. Она казалась совершенно нормальной. По существу, совершенно счастливый ребенок. Мы оба захотели ее взять. Ты помнишь? Мы согласились сразу же. После стольких попыток обзавестись собственным ребенком... Никто не мог знать, во что она превратится. Аутизм проявляется, только когда они становятся старше. Это риск, на который идут все родители.

— Да черт побери, Бекки, это же полня херня, полная. Родители! Никакие мы не родители. Я тебя не обрюхатил, потому что ты не брюхатишься. Если бы все было по-другому, если бы она и в самом деле была наша плоть и кровь, тогда мы могли бы назвать себя родителями. А так мы... я даже не знаю, кто мы. Опекуны, содержатели зоопарка. Черт побери, они даже не могли нам сказать, откуда она родом, кто ее мать, про отца я и не говорю. Мы же про нее ничего не знали, а она, может быть, родилась от каких-то дебилов, вот у нее и проявляются гены родителей.

— Не будь таким жестоким, Стив. Пожалуйста.

— Да я всего лишь говорю правду. Время обеда в обезьяннике. Сунь ей банан в рот и выключи свет.

Бекки тихонько заплакала. Стив сильнее нажал педаль газа, и восьмицилиндровый движок «Бьюика» взревел.

Двадцать безмолвных минут спустя машина свернула с дороги на въезд в трейлерный парк, проехала мимо зафиксированных в открытом положении, просевших сеточных ворот. Слабо освещенные шелушащиеся пластмассовые буквы над въездом складывались в слова: «Стоянка жилых прицепов МНОГОДОМ» и «Трейлерный двор». Десятки закрепленных на своих местах обитаемых махин стояли вплотную друг к другу на обсыпанной гравием площади и напоминали собой стадо крупных спящих животных.

Стив остановил машину рядом с одним из трейлеров, стоящих внаклонку на фундаменте из шлакобетонных блоков, потом вывалился из машины и пьяноватой походкой поспешил в трейлер, оставив Бекки вынимать девочку. Женщина вышла, тяжело вздохнув, и открыла заднюю дверь. Наклонившись над задним сиденьем, она отстегнула ремни, удерживающие переноску с девочкой, и тихонько запела.

— Вэнга, Вэнга, моя маленькая Евангелина. Иди к мамочке.

Но когда выражение лица девочки Вэнги ничуть не изменилось, когда никакой эмоциональной реакции не последовало, голос Бекки исполнился горечи, изменилась его тональность и звучание.

— Господи боже, маленький выродок, ну прояви ты хоть *немного* эмоций.

Она поставила Вэнгу на ноги.

— Ну-ка, давай иди сама. Я тебя больше не буду носить.

Под руководством Бекки и держа ее руку, Вэнга на несгибающихся ногах и с довольно рассеянным видом поковыляла за матерью, поднялась по некрашеным скособоченным деревянным ступеням трейлера, над

которыми висели несколько голых слабых лампочек, проливавших скупой свет.

У складной подложки с футоном на ней была поднята спинка, а вся конструкция придвинута к стене и могла служить креслом. Покрытый пятнами футон был частично укрыт акриловым афганским ковриком, раскрашенным вязаными цветными квадратиками. Овальный кофейный столик из искусственного дерева нес на себе ожоги от догоревших на нем сигарет. Внутри трейлера стоял густой запах дезинфектанта и вареных овощей.

Стив уже сидел в разодранном кресле перед орущим телевизором — гигантским «Магнавоксом» в фанерном корпусе, — в одной руке он держал бутылку водки «Смирнофф Айс», а в другой — бумажный стаканчик.

— Нет, профессор Артуро, — сказал молодой человек с мигающего экрана. — Это не другая планета. Это наш мир. Планета та же, только другое *измерение!*

Бекки закрыла и заперла дверь трейлера, сбросила с ног зимние ботинки.

— Ты же не собираешься пить на пустой желудок?

— Может быть. А может — и нет. Все зависит от того, сумеешь ли ты что-нибудь быстро сварганить. Замороженной пиццы у нас не осталось?

— Посмотрю. Дай мне минуту накормить девочку и уложить ее в постель.

— А чего заморачиваться? Жаловаться она не будет, да и разницы никакой не почувствует, если ей придется подождать. Да она не станет ныть, даже если ей ничего не дать до завтрака.

— Ты хочешь, чтобы она заболела и умерла?

Стив ничего не ответил.

Вэнга так и осталась на том же месте, куда ее усадила мать. Ее глаза, казалось, отслеживали полет роя невидимой мошки. Губы ее время от времени почти незаметно

шевелились, словно пытались выговорить все те слова, которые она пока так и не произнесла.

— Стив, посмотри на нее. У нее опять один из этих ее приступов.

— И что? Она только что от доктора, который сказал, что организм у нее в полном порядке. Причина в ее башке. Плохая проводка. Мы с этим ничего не можем сделать.

— Пожалуй. Но меня это все еще пугает.

Бекки быстро раздела девочку до нижнего белья.

— Нужно бы тебя помыть, но не сегодня. Сегодня слишком поздно. Да и устала я.

Бекки подняла Вэнгу, обернув ее в хлопчатобумажную пижаму, которая больше подходила для лета, чем для влажного, холодного трейлера, и усадила на высокий стул, слишком тесный для ребенка ее возраста. Бекки положила перед ней ломтик белого хлеба с арахисовым маслом, поставила неполную чашку молока. Ее приходилось подталкивать к приему пищи — еду сунуть в руку, руку поднести ко рту, но потом Вэнга действовала сама, механически, словно робот.

— Слава богу, ты хоть это можешь, — сказала Бекки, не обращая ни к кому конкретно, а потом отправилась готовить еду для себя и для мужа. Она положила в миску соленую капусту как добавку к пицце и немного печенья «Орео» на десерт. Когда звякнула микроволновка, Стив поднялся и подошел к столу. Уровень водки в бутылке понизился на два дюйма. Телевизор продолжал показывать кино, несмотря на отсутствие зрителей.

Вэнга закончила есть, правда, она еще несколько раз подносила ко рту руку без еды и пустую кружку, но вскоре ее притупленное восприятие почувствовало отсутствие того и другого, и девочка прекратила свои утратившие смысл движения.

Стив, наблюдавший за этим бесплодным ритуалом, позволил отвращению исказить его лицо.

— Господи Иисусе, позорище-то какое! Убери ее отсюда немедленно!

Бекки грубо подняла девочку со стула. В ванной она небрежно провела мокрой тряпкой по грязному лицу девочки, потом раздраженно спустила ей трусики, усадила на горшок и вышла. Девочка явно пользовалась горшком, не отдавая себе в этом отчета, — с животным безразличием. Бекки вернулась, проверила содержимое горшка, взяла из пачки на полу одноразовый подгузник, натянула его на Вэнгу, потом надела на девочку пижамку, а затем поспешила с ней в крохотную комнату в самом дальнем конце трейлера.

Здесь у Вэнги были кровать, маленький стульчик, несколько мягких игрушек. В остальной комнате была неприглядной и бесцветной.

Бекки уложила приемную дочь на спину, укрыла пушистым одеялом, подоткнула подушку под голову. Вэнга тем временем обшаривала взглядом пустой потолок.

Бекки наклонилась было, собираясь поцеловать девочку, но резко остановилась, выпрямилась со вздохом и вышла.

Дверь, хотя и закрывалась неплотно, погрузила комнату в темноту, пронзенную лучом света, смехом, доносящимся от телевизора, и голосами ее спорящих родителей, но ребенку было не до сна.

Ей еще оставалось столько всего увидеть.

Повсюду и постоянно роились призраки, они слетались со всех сторон, куда бы она ни посмотрела. Полноцветный театр альтернатив, кинозал бесконечно множась возможностей.

И все самые выдающиеся призраки, знаменитые актеры, фигуры первого плана были ею.

Другие знакомые фигуры и много незнакомых тоже находились в поле ее зрения, когда оказывались близ множества Вэнги, пока имели какое-то отношение к ее жизни.

К миллиардам жизней, которыми она одновременно жила.

Другие Вэнги-призраки — она знала собственное одутловатое лицо благодаря множеству зеркальных поверхностей, благодаря тестам на уровень когнитивности в кабинетах десятков врачей, психотерапевтов и клиницистов — не были ни прозрачными, ни материальными, как Стив и Бекки, как кровать, в которой она с трудом отдыхала. Они все демонстрировали разные степени жизнеподобной полихроматичной полупрозрачности. Некоторые казались *почти* осязаемыми, более значимыми и привилегированными; другие были почти прозрачными, лишь слабыми намеками на форму и силуэт. Они были затиснуты на второй план, впритык друг к другу, обитатели мириада плавающих окон или неосязаемых телевизионных экранов, расположенных под самыми разными углами относительно друг друга: бесконечный коридор миров, исчезающих в бесконечности, переплетающихся, перемежающихся, в каждом находящемся в вечном перемещении окне, в котором видныдвигающиеся актеры,двигающиеся потому, что эти многочисленные Вэнги вмешались в их жизни.

Некоторые из жизней в этом нескончаемом воодушевлении — они почему-то и более «близкие» ей — были идентичны тому, что она переживала каждую минуту, насколько она могла определить это, имея разум, не отточенный на логике, или рациональности, или линейном мышлении, разум, едва ли способный к сочувствию, но тем не менее наостренный тремя с лишним годами чутких наблюдений, непрерывных чувственных пересечений с этими призраками, эмпатии к ним, осо-

знания их существования. Ближайшие Вэнги точно подражали всему, что происходило с нею. Казалось, что существует бесконечное число призраков этого типа, каждый из которых бесцельно воспроизводит печальное существование Вэнги.

Кроме того, существовало не менее удивительное число призраков разных Вэнги в одном более удаленном метафизическом месте, и они могли отличаться от нее мельчайшими, самыми крохотными и почти незаметными особенностями: свитер, застегнутый на другую пуговицу; ноготь, обкусанный до кожи, тогда как у нее целехонький; одеяло, натянутое на подбородок чуть дальше, чем на самом деле, — на какие-то четверть дюйма.

И за пределами этих слегка расходящихся между собой Вэнг диапазон различий не заканчивался, он простирался в безграничное разнообразие, выходящее за пределы здравого смысла, или восприятия, или воображения. Чем дальше, тем меньше становилось число Вэнг, которые выглядели все менее и менее похожими на нее. Вэнги с другими родителями, живущие в других домах. Вэнги в мирах, где жили и плодились иные флора и фауна. Вэнги среди пейзажей разорения или в раю. Эти коренным образом отличающиеся друг от друга инкарнации были наиболее рассеянными по миру, увидеть их или добраться до них было труднее всего, в ряду других более распространенных инкарнаций они находились далеко на периферии. Впрочем, иногда их окна оказываются в первых рядах парада, словно какие-то обстоятельства жизни Вэнги на мгновение приблизили их. Кроме того, Вэнги, приложив колоссальные усилия для того, чтобы сосредоточиться и разглядеть их, могли силой своей воли притягивать этих более отдаленных призраков на несколько мгновений, прежде чем они снова отдаляться от нее.